

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Л91

Серия «Эксклюзивная классика»

Clive Staples Lewis

TILL WE HAVE FACES
(A MYTH RETOLD)

Перевод с английского *И. Кормильцева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения The CS Lewis Company Limited
при содействии издательства HarperCollins Publishers.

Льюис, Клайв Стейплз.

Л91 Пока мылиц не обрели : [роман] / Клайв Стейплз Льюис ; [перевод с английского И. Кормильцева]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-118883-2

Миф о Психее в той или иной литературной версии известен практически каждому. Однако Клайв Льюис в своем замечательном романе-деконструкции раскрывает его с совершенно неожиданной стороны, ставя во главу повествования не саму возлюбленную Амура, а старшую из ее сестер — царицу Оруаль.

Роман, по форме представляющий собой увлекательное и оригинальное фэнтези, по сути является талантливейшей философской притчей на вечную тему — тему родственной любви. Любви разрушительной и созидательной, властной и эгоистичной, глубоко и искренне самоотверженной — и в то же время удушающей сам ее предмет.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© C. S. Lewis Pte Ltd., 1956
© Перевод. И. Кормильцев, 2018
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-118883-2

От переводчика*

Это последнее большое произведение известного английского писателя и апологета христианства Клайва С. Льюиса (1898—1963). Многие полагают, что и самое лучшее. Хотя мир Льюиса настолько разнообразен (как говорит один критик, писатель мог бы трижды сменить свое литературное имя и никто бы из почитателей не догадался, что и «Хроники Нарнии» и «Просто христианство» написаны одной рукой), что всякие хвалебные оценки здесь вряд ли уместны.

Существует красивая легенда: Льюис писал эту книгу, когда его жена Джой (сама история их отношений вполне могла бы стать другой легендой) умирала от рака, и читал ей готовые главы. Когда была написана и прочитана последняя глава, случилось чудо — болезнь отступила. Эта легенда не случайна — ведь в «Пока мы лиц не обрели» речь идет об искуплении Любовью. И об искуплении Любви.

На самом деле роман был написан весной 1954 года, еще в счастливые для Льюиса

* © Перевод. И. Кормильцев, наследники, 2019.

и Джой времена, а сам миф о Психее и Амуре завожил Клайва (как и многих других писателей и художников до него), когда он был еще школьником: он наткнулся на краткий пересказ этой чарующей истории, листая «Мифологический словарь» Уильяма Смита. Неоднократно он возвращался к этому сюжету: пытался написать то балладу, то поэму и даже пьесу, но всегда бросал свой труд на середине. Может быть, для того, чтобы эта книга обрела свое лицо, нужно было самому столкнуться лицом к лицу с Любовью.

И. Кормильцев

Посвящается Джой Дэвидмен

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

С тех пор как я стала старухой, месть богов более не страшит меня. Разве боги в силах повредить мне? У меня нет ни мужа, ни сына, ни друга, на которых мог бы обрушиться их гнев. Моя иссохшая плоть по привычке желает, чтобы ее мыли, питали и не по разу в день облачали в нарядные одежды, но мне не жаль моего тела — боги властны отнять у него жизнь, когда им заблагорассудится. Я уже позаботилась о наследнике — корона моя перейдет к сыну моей сестры.

Вот почему я не боюсь гнева богов, и вот почему я решила написать эту книгу, ибо человек, которому есть что терять, никогда не осмелится написать подобную. В книге этой я буду обвинять богов: в первую очередь того, который обитает на Седой горе. Словно перед строгим судьей, я расскажу без утайки обо всем том зле, что этот бог причинил мне. Увы! Нет в мире такого суда, который рассматривал бы тяжбы между богами и смертными людьми, а бог Горы — я уверена — не ответит на мои обвинения. Болезни и страдания, которыми он волен меня

наградить, — разве это достойный ответ? Я пишу на греческом языке, которому меня обучил мой наставник. Может случиться, что какой-нибудь странник из Греции посетит наш дворец, прочтет эту книгу и перескажет ее у себя на родине, где людям не возбраняется вести вольные речи даже о бессмертных богах. И может случиться, тамошние мудрецы разберутся, справедливы ли мои обвинения и удалось ли бы оправдаться богу Седой горы, снизойди он до ответа.

Меня зовут Оруаль, и я старшая дочь Трома, царя Гломского. Город наш Глом расположен на левом берегу реки Шеннит, в дне пути на северо-запад от Рингаля, селения у южных пределов нашего царства. Сам город отстоит от берега на расстояние, которое женщина проходит за треть часа; ближе к реке строить нельзя, ибо Шеннит по весне разливается. Летом же она пересыхает, и на илистых берегах, поросших камышом, во множестве гнездятся дикие утки. На том же удалении от Шеннитского брода, что и город, но на другом берегу реки стоит священный Дом Унгит. За ним на северо-востоке начинаются отроги Седой горы. Бог этой горы, возненавидевший меня, приходит-ся Унгит сыном. В доме матери он, однако, не живет — Унгит там всегда одна. Она восседает в дальнем углу храма, окутанная мраком, и ее почти не видно. Только летом, когда свет высокого солнца проникает в капище через дымо-

вые отверстия, богиню можно рассмотреть. Она из черного камня, и у нее нет ни головы, ни рук, но это могущественная богиня. Мой старый учитель, которого прозвали Лисом, утверждал, что греки зовут ее Афродитой, но я решила оставить все имена так, как они звучат на нашем языке.

Я начну повествование с того дня, когда умерла моя мать и мне обрили волосы на голове, как велит обычай. Лис (впрочем, тогда он еще не жил у нас) говорил, что этот обычай позаимствован нами у греков. Батта, наша нянька, вывела нас за ограду дворца в сад, устроенный на склоне холма. Пока она брила голову мне и Редивали, младшей сестре моей, дворцовые рабыни толпились вокруг, причитая и бия себя в грудь, — так они оплакивали смерть царицы. Редиваль была младше меня на три года: других детей, кроме нас, у царя тогда не было. В перерывах между рыданиями рабыни щелкали орешки, хихикали и перешептывались. Когда сверкнула бритва и золотые кудри Редивали упали на землю, все рабыни вздохнули и сказали: «Ах, какая жалость!». Когда же стали обривать голову мне, ни одна из них не проронила ни слова. Но больше всего мне запомнилось, как холодна была выбритая кожа на моей голове и как солнце пекло мне открытый затылок, когда мы с Редивалью копались в грязи на берегу реки вечером того же дня.

Наша нянька Батта была крупная женщина со светлыми волосами и грубыми большими руками. Отец купил ее у торговцев с Севера. Когда мы изводили ее своими проказами, она ворчала:

— Ну погодите! Вот приведет ваш отец в дом новую царицу, тогда узнаете! Поживете с мачехой, наедитесь прогорклого сыра вместо медовых пряников да напьетесь кислого молока вместо красного вина...

Но не успела еще во дворце появиться новая царица, как наша жизнь уже изменилась. В тот день, помню, стоял ужасный мороз. Редиваль и я даже надели сапожки (обычно мы ходили босиком или в легких сандалиях). Мы катались по льду на заднем дворе в старой части дворца, там, где стены сложены из бревен, а не из камня. От двери стойла и до большой навозной кучи все заледенело, но лед был неровным от отпечатков копыт, застывших луж молока и свежих коровьих лепешек, так что кататься нам было нелегко. И тут на двор вышла Батта; кончик носа ее пламенел от мороза. Она крикнула нам:

— А ну-ка, замарашки! Умойтесь и идите к Царю. У него для вас кое-что есть, чтоб мне провалиться! Скоро у вас начнется совсем другая жизнь!

— Неужто мачеха приехала? — спросила Редиваль.

— Нет, куда хуже! — ответила Батта, утирая Редивали нос краем своего фартука. — Ну и достанется вам шлепков, щипков и зуботычин! Вот уж наплачетесь вдосталь!

Затем она отвела нас в новую часть дворца, туда, где стены все из побеленного кирпича, а на каждом углу — дворцовые стражи, облаченные в доспехи. В Столбовой зале, у очага, над которым висят звериные шкуры и охотничьи трофеи, стоял наш отец и с ним еще трое. Эти люди в одежде путников были нам знакомы; трижды в год они являлись во дворец с товарами. Торговцы укладывали в мешок весы, на которых отвешивают серебро, и мы поняли, что только что состоялась сделка. Один из них сворачивал цепь, на которой водят пленников. Мы увидели стоявшего рядом низенького шупленького человечка и поняли, что наш отец купил нового раба. На ногах у раба были язвы от колодок, но в остальном он ничуть не походил на тех рабов, к которым мы привыкли. Глаза у него были совсем голубые, а волосы — там, где их еще не тронула седина, — рыжие.

— Скоро в моем доме появится наследник, — сказал, обращаясь к рабу, наш отец. — Я хочу, грек, чтобы ты передал ему всю премудрость твоего народа. А покамест можешь поучить вот этих (тут он показал на меня с Редивалью). Если ты сумеешь вбить хоть что-нибудь в голову девке, то ты и верно учитель.

Перед тем как отослать нас, отец прибавил:
— Займись в первую очередь той, что по-старше. Может, она хоть будет умной — ни на что другое она не годна.

Я не поняла, что именно имел в виду отец, но уже привыкла к тому, что люди всегда говорят обо мне как-то странно.

Я полюбила Лиса (такое прозвище дал греку мой отец) так, как не любила до той поры никого другого. Можно было ожидать, что человек, рожденный в Греции свободным, но попавший на войне в плен и проданный в рабство варварам, должен был отчаяться. Отчаяние действительно временами завладевало Лисом и, может быть, гораздо чаще, чем я, маленькая девочка, могла заметить. Но я никогда не слышала, чтобы он роптал на судьбу, никогда не слышала, чтобы он хвастал, как это делали другие рабы, высоким положением, которое занимал у себя на родине. Он часто утешал себя высказываниями вроде «Весь мир — одна деревня, и мудрец в нем нигде не изгнанник» или же «Вещи сами по себе ни дурны, ни хороши — мы только мним их таковыми». Но я полагаю, что бодрость духа он сохранял не благодаря этим рассуждениям, а потому, что был необычайно любознателен. Я никогда не встречала другого человека, который задавал бы столько вопросов. Он словно хотел знать все на свете не только о нашей стране, языке нашего племени, на-

ших богах и предках, но даже о цветах и деревьях, растущих в нашем краю.

Вот как получилось, что я рассказала ему об Унгит, о девушках, которые живут в ее доме, о подарках, которые невесты приносят богине, и о том, что, если страну постигнет какое-нибудь бедствие, мы перерезаем горло жертве на алтаре богини и окропляем Унгит человеческой кровью. Он содрогнулся, когда услышал это, и что-то пробормотал в сторону, но затем сказал вслух:

— И все-таки она — Афродита, хотя в ней больше сходства с Афродитой вавилонян, чем с нашей богиней. Послушай, я расскажу тебе про Афродиту греков.

Тут голос его стал глубоким и нежным, и он поведал мне, как греческая Афродита влюбилась в царевича Анхиза, пасшего стада отца на склонах горы Ида. Когда богиня спускалась по травянистым кручам к пастушьей хижине, львы, рыси, медведи и прочие твари подползали к ее ногам, покорные, как собаки, а затем расходились парами и предавались любовным утехам. Но Афродита скрыла свою божественную природу и явилась в хижину Анхиза в образе смертной женщины и возлегла с ним на ложе. На этом, как мне показалось, Лис хотел закончить рассказ, но, поддавшись очарованию предания, поведал, что было дальше: Анхиз, проснувшись, увидел Афродиту — богиня стояла в дверях хижины, сбросив

с себя обличье смертной женщины. Тогда царский сын понял, с кем он провел эту ночь. Он в ужасе закрыл глаза рукой и вскричал: «Лучше убей меня сразу!».

— Конечно, ничего этого на самом деле не было, — поспешил прибавить грек. — Все это выдумки поэтов, дитя мое. Такое противоречит природе вещей.

Но и того, что он сказал, хватило мне, чтобы догадаться: хотя богиня греков красивее, чем наша Унгит, она так же жестока.

Таков уж был Лис — он словно стыдился своей любви к поэзии. («Все это сказки, дитя мое!» — не уставал повторять он.) Мне приходилось немало корпеть над тем, что он называл «философией», для того чтобы уговорить его почитать мне стихи. Так, понемногу, я познакомилась с песнями греков. Превыше всего мой учитель ставил стихотворение, которое начиналось словами «Труд человеку стада добывает и всякий достаток», но я знала, что он кривит душой. По-настоящему он волновался, когда декламировал «В стране, где в ветках яблонь шумит прохлада» или же:

Луна и Плеяды скрылись,
А я все одна в постели...

Когда он пел эту песню, глаза его блестели, а в голосе почему-то звучала неподдельная жалость ко мне. Лис любил меня больше, чем мою

сестру, потому что Редивали не нравилось учение и она постоянно осыпала Лиса издевками и насмешками и часто подговаривала других рабов против нашего учителя.

Летом мы обычно занимались в саду, сидя на маленькой лужайке в тени грушевых деревьев; там мы и попались как-то на глаза Царю. Разумеется, мы тут же вскочили на ноги, скрестили руки на груди и опустили глаза долу. Так было положено встречать повелителя детям и рабам. Царь дружелюбно похлопал Лиса по спине и сказал:

— Радуйся, грек! Волей богов тебе скоро доведется учить наследника! Возблагодари небо, ибо не часто простому греческому бродяге выпадала столь великая честь. Мой будущий тесть — великий человек. Тебе-то до этого, конечно, и дела нет. В величии ты понимаешь не больше вьючного осла. Все греки — бродяги и оборванцы, верно?

— Разве не одна и та же кровь течет в жилах у всех людей, хозяин? — спросил Лис.

— Одна и та же кровь? — изумился Царь, выпучив глаза. Затем он грубо захохотал и сказал: — Пусть я сдохну, если это так!

Вот и вышло, что не Батта, а сам Царь известил нас о скором появлении мачехи. Мой отец очень удачно посватался. Ему отдавали в жены третью дочь царя Кафадского, самого могущественного властителя в наших землях. (Те-